

UDK: 821.161.1-05 Turgenev, I. S.

821.161.1.09

Pregledni članak

Primljen: 18. 3. 2010.

Prihvaćen za tisak: 23. 6. 2010.

М. Г. УРТМИНЦЕВА

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Кафедра русской литературы

Филологический факультет

Ул. Б. Покровская 37, Нижний Новгород, 603000 Россия

ПЕРВЫЙ БИОГРАФ И. С. ТУРГЕНЕВА (К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ)

Работа посвящена Николаю Михайловичу Гутьяру, провинциальному историку литературы, одному из первых биографов И. С. Тургенева. Его статьи представляют большую ценность не только из-за сведений о жизни и творчестве Тургенева, но и из-за методологии литературоведческих исследований конца XIX века.

Ключевые слова: *биограф, история литературы, методология, исследование.*

Материал, исследование которого представлено в данной статье, более ста лет хранится в фондах Нижегородской государственной научной библиотеки и до сих пор не был предметом специального исследования. Возможность его научного описания и введения в научный оборот возникла в связи с созданием Центра литературного краеведения при Нижегородском государственном университете, начавшего работу по осуществлению программы по изучению феномена провинциальной культуры Нижегородского края, исследованию творчества "птенцов" нижегородского литературного гнезда, к числу которых принадлежит в настоящее время практически неизвестное научной общественности имя Н. М. Гутьяра.

Николай Михайлович Гутьяр – уроженец горбатовского уезда Нижегородской губернии, выпускник нижегородского дворянского института, бессменный сотрудник *Нижегородский губернских ведомостей*, а затем председатель Оренбургской архивной комиссии, должен войти в историю русской литературы как один из первых биографов И. С. Тургенева. Его монографическое исследование личности и творчества писателя было издано в Москве в 1907 году, а свою первую статью, посвященную биографии Тургенева Гутьяр опубликовал в журнале *Вестник Европы* за 1900 год. Это был материал "Тургенев и Белинский" (Гутьяр), в котором провинциальный историк литературы воспроизводил обстоятельства знакомства Тургенева и Белинского, размышлял о характере влияния Белинского на Тургенева, поднимал вопрос об особенностях "западничества" писателя, обращаясь к

интерпретации узловых сюжетов личной и творческой биографии писателя. За этой статьей последовали другие: "Тургенев и Анненков" (1902, т. 1) и "Ив. С. Тургенев во Франции" (1902, т. 5), "Тургенев и крестьянский вопрос" (1904, т. 3). Следует отметить, что последняя статья помещается издателем журнала в своеобразный контекст, возникающий вряд ли случайно: в журнале статья Гутьяра "Тургенев и крестьянский вопрос" помещена после статьи А. Андреевой "Призраки" как **исповедь** Тургенева". Последовательность предлагаемых читателю материалов формировала в сознании читателя интерес к самым разнообразным формам представления личности Тургенева, ушедшего двадцать лет тому назад (1883).

Первая статья Гутьяра "Тургенев и Белинский" представляла определенный интерес для исследователя принципом подбора материала для биографии писателя, а также системой аргументации высказываемых критиком положений. Определяя цель своей работы, Н. Гутьяр признается, что для него единственным достоверным источником сведений о Тургеневе являются его письма, где он предстает не столько как писатель, сколько как человек. Однако, ставя перед собой задачу "воспроизвести черты характеризующей личности" (Гутьяр, 1900, V, 525), Гутьяр указывает также основные источники, имевшиеся в его распоряжении: это литературные и житейские воспоминания Тургенева, куда вошли его *Воспоминания о Белинском*, материалы к биографии Белинского Пыпина, книги журнала *Русское обозрение* (1894, кн. 5), где публикуются письма Белинского, *Воспоминания и критические очерки* П. Анненкова, воспоминания Полонского, напечатанные в *Ниве* (1884), сборник *Иностранная критика о Тургеневе*, а также неизданные письма Тургенева, которые хранились в Румянцевском музее. Несмотря на то, что используемый критиком материал довольно разнороден, его компоновка подчинена одной цели: **воспроизвести атмосферу, в которой проходило формирование эстетических взглядов Тургенева**. Поэтому Гутьяр избирает весьма своеобразный путь: он предоставляет слово самому Тургеневу, обильно цитируя его *Воспоминания о Белинском* и вкрапляя в развернутые цитаты выдержки из писем Тургенева к Белинскому. Это одна сюжетная линия, на которой держится биографический очерк. Другой сюжет – развернутое цитирование программного для литературы конца 40-х годов обзора Белинским русской литературы за 1847 год, который содержит общую характеристику прозаической деятельности Тургенева за 1844-1847 годы.

Намеченные в первой статье принципы составления биографии Н. Гутьяр развивает в следующей работе, выгодно отличающейся от предыдущей тем, что статья "Ив. С. Тургенев во Франции" концептуально выстроена. В ней Гутьяр предпринимает попытку формирования научной периодизации творчества Тургенева на основе сопоставления фактов биографии и литературных произведений, созданных в определенный период жизни писателя.

По мнению критика, годы с 1847 по 1850 год - чрезвычайно важный **период** в личной и творческой судьбе Тургенева. Он отмечен расширением задач эстетической программы писателя, интенсивной работой в области прозаических (цикла, повести и романа) и драматических жанров (одноактной и двухактной комедии) и драмы. Это время пребывания Тургенева во Франции, когда писатель второй раз "вступает" в литературу после своего дебюта в России конца 30-х – начала 40-х годов. Автор статьи ставит перед собой задачу убедить читателя в том, что творчество Тургенева конца 40-х – начала 50-х годов свидетельствует о *поисках писателем путей к*

познанию самого себя как личности. Поэтому Гутьяр, определяя структуру статьи, формулирует ее основное положение следующим образом: три года пребывания Тургенева за границей – **"это эпоха Записок охотника и драматических произведений писателя"**. Биограф ставит перед собой две задачи, определяющие способ подачи документального материала, представленного в защиту основного тезиса: ответить на вопрос, какими обстоятельствами было вызвано появление *Записок охотника* и драматургии Тургенева, во-первых, и как отразились на этих произведениях условия времени и места их создания, во-вторых.

Четыре первых раздела статьи, посвященные систематизации фактов внешней жизни Тургенева, представляют нам Тургенева-созерцателя, наблюдателя парижской жизни, в 1848 году пережившего события февральской революции. Гутьяр цитирует большую выдержку из письма к П. Виардо от 1 мая 1848 года, свидетельствующую о том, что впечатления переворота очень скоро улеглись в душе Ивана Сергеевича, и для него вновь наступило время обычных занятий, прогулок, наблюдений за парижской жизнью (Гутьяр, 1902, VI, 101). Внешние события, по убеждению Гутьяра, способствовали не столько стремлению Тургенева определиться со своими политическими взглядами и проверить их на арене исторических событий, как это сделали Герцен, Бакунин и даже мирный Анненков, сколько выстроить свои взаимоотношения с близким ему кругом, понять самого себя. Причем делал он это весьма своеобразно, о чем свидетельствуют воспоминания Тучковой-Огаревой, приводимые Гутьяром (Гутьяр, 1902, VI, 113). Особый интерес в плане знакомства с душевным состоянием Тургенева этого периода времени представляет следующий пассаж воспоминаний Тучковой-Огаревой: Анненков, пишет Огарева, так же, как и Тургенев, бывший в доме Герценов своим человеком, "имел большое уважение к Наталье Александровне; Тургенев же, напротив, не любил ее, мало с ней говорил, как будто нехотя; нередко случалось им говорить друг другу колкости" (Тучкова-Огарева, 337-340). Казалось бы, факт неприязненных отношений Тургенева и Натальи Герцен не столь важен для решения вопроса о причинах создания *Записок охотника* или драматических сочинений Тургенева. Однако для Гутьяра характер неприязни и ее причины в высшей степени важны, так как, по мнению критика, именно "оригинальная и богатая натура Натальи Александровны при всем своем наружном спокойствии и холодности в душе была женственной и нежной в высшей степени. При недюжинном уме и сильной воле Н. А. Герцен обладала всеми лучшими качествами героинь Тургенева" (Гутьяр, 1902, VI, 114). Тогда как же объяснить взаимную неловкость и натянутость в их отношениях, как объяснить, что в цитируемых строчках из писем к Огаревой Н. Герцен пишет, что при взгляде на Тургенева ей кажется, что она входит в "нежилую комнату – сырость на стенах, и проникает эта сырость тебя насквозь, ни сесть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорей на свет, на тепло. А человек он хороший" (Пассек, 120). Гутьяр объясняет парадокс отношений Тургенева и Н. Герцен сюжетной ситуацией романа *Отцы и дети*, возникающей после ночного объяснения Одинцовой с Базаровым. Критик замечает, что "появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабывчивые чувства, напоминая им свое близкое родство с ними" (Тургенев, 271). Критик обращает внимание читателей на цитируемую им фразу, характеризующую атмосферу в гостиной Одинцовой. Гутьяр считает, что именно в этом замечании содержится разъяснение Тургеневым собственного

состояния, которое он, по-видимому, испытывал в присутствии Н. А. Герцен. Сильная душевная экзальтация, присущая Н. Герцен, входила в противоречие со спокойной созерцательностью Тургенева, выводя его из состояния душевного равновесия, что объясняет в свою очередь и столь резкое определение отношения Н. Герцен к молодому Тургеневу.

Другой весьма показательный факт, который приводит Гутьяр в защиту высказанного положения, относится к июлю-августу 1848 года, когда Тургенев, оправившись от холеры, полтора месяца живет отшельником в имении Виардо–Куртавенеле. Прежде чем процитировать весьма замечательные строки из писем к Полине Виардо (от 20 июля и 7 августа), Гутьяр, создавая определенный настрой читателя, выписывает из воспоминаний Полонского те места, где он вспоминает о том, какое впечатление произвело на Тургенева в 1881 году известие о холере, появившейся в 300 верстах от Спасского (Полонский). Прошло почти 40 лет со дня болезни Тургенева, но чувство страха и бессилия, пережитое писателем в Париже, оказывается, не оставляло его всю жизнь (Гутьяр, 1902, VI, 130). Но именно в эти минуты, как следует из писем к Виардо, которые цитирует Гутьяр, впоследствии рождается тургеневский образ внутренней сосредоточенности как способа преодоления внешнего зла. Гутьяр создает компоновкой строчек из разных писем Тургенева образ "погружения в тишину": "Я все это время провел в деревне, в совершенном уединении" <...> "чувствуя невыразимую лень, которую на поэтическом языке (выделено мной – М. У.) называют тишиной, погружением в тишину...". К цитируемым строчкам Гутьяр присоединяет цитаты из писем к Виардо, в частности, из письма от 7 августа 1850 (1849) года о разных звуках, услышанных в психологической тишине одиночества: "Шум крови в ушах и дыхания. Шорох – неумолкаемых лепет листьев <...> Рыбы производили на поверхности воды легкий шум, похожий на звуки поцелуя. <...> Вот глухой звук... что это шаги по дороге? Или шопот человеческого голоса? И вдруг тончайшее сопрано комара, которое раздается над нашим ухом..." (Гутьяр, 132-133). Монтирование этих строчек в рассуждения критика о тайне творческого процесса Тургенева чрезвычайно показательны, так как здесь Гутьяр приближается к открытию тайны поэтики звукового пейзажа, созданного Тургеневым. Первый опыт звукового пейзажа осуществлен именно в *Записках охотника*, в *Бежином луге*, а в качестве самостоятельной конструкции – "пейзажа души", характеризует состояние Лаврецкого в XX главе *Дворянского гнезда*.

Биографу чрезвычайно важно направить читателя в нужное ему русло, воссоздать картину внутренней жизни писателя, сосредоточенного на себе, прежде чем перейти к выяснению обстоятельств обращения Тургенева к драматургии. Эти обстоятельства, по мнению критика, чрезвычайно просты и ясны, они проступают, прежде всего, в письмах Тургенева конца 40-х годов, где он высказывает суждения не столько о французском театре, его репертуаре, сколько об игре французских актеров. Из писем Тургенева к Краевскому известно, что, создавая *Нахлебника*, автор имел ввиду Щепкина, для которого и писалась пьеса (Тургенев, 1849, 13. 03). Интерес Тургенева именно к этой стороне театра, считает Гутьяр, сохраняется и в произведениях 70-х годов, в частности, в *Вешних водах*, где Мария Николаевна сравнивает игру французских и немецких актеров не в пользу последних, упрекая их в отсутствии естественности. Познакомив читателя с точкой зрения Тургенева,

изложенной в письмах и в художественном творчестве, Гутьяр делает весьма парадоксальный и любопытный вывод: "охоту и интерес к драматическому театру возбуждала в Иване Сергеевиче сама П. Виардо, с которой он был так дружен в это время. Как критическая деятельность Тургенева довольно неожиданно выдвигалась в период его дружбы с Белинским, так драматическая – в период почти непрерывного общения с Виардо". "*Только найдя настоящую дорогу, Иван Сергеевич перестал подчиняться влиянию отдельных лиц, какими бы талантливыми они ни были*" (выделено мной – М. У.) (с. 122). Из приведенной цитаты видно, что Гутьяр рассматривает занятия Тургенева литературной критикой и драматургией как дань общения с близкими ему людьми, а не потребностью творчества. Именно с этим он связывает факты несчастливой цензурной истории всех драматических опытов Тургенева (*Месяц в деревне*, 1850, напечатан в 1855 в урезанном виде, в 1869 в авторской редакции, *Нахлебник*, 1848 – девять лет 1857), заканчивая разговор о драматургии Тургенева анекдотом из воспоминаний Бурдина о том, что *Нахлебник* Тургенева, *Воспитанница* Островского были пропущены цензурой благодаря чистой случайности – временным пребыванием на должности начальника III отделения И. В. Анненкова – брата известного писателя П. В. Анненкова (Бурдин).

Подводя итоги, следует сказать о том, что введение в научный оборот материалов, собранных и систематизированных провинциальным историком литературы, имеет принципиальный характер. Помимо того, что в работах Н. Гутьяра, созданных в традициях культурно-исторической школы, содержится немало фактов, малоизвестных современным исследователям, его статьи представляют безусловный интерес с точки зрения методологии и методики литературоведческих исследований последних десятилетий XIX века.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- Бурдин Ф., "Из воспоминаний об Островском", *Вестник Европы*, 1886, кн. XII.
- Гутьяр Н. М., "И. С. Тургенев и В. Г. Белинский", *Вестник Европы*, том V., октябрь, 1900.
- Гутьяр Н. М., "Ив. С. Тургенев во Франции (1847-1850)", *Вестник Европы*, том VI., ноябрь, 1902.
- Отчет Импер. Публ. Библ. за 1890 год.* По этому отчету Гутьяр цитирует письма Тургенева к Краевскому
- Пассек Т. П. *Из дальних лет. Воспоминания.* СПб, т. I-III, 1878-1889, т. III.
- Полонский Я. П., "И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину", *Нива*, 1884, № 4.
- Тургенев И. С., *Полн. собр. соч.: В 12-т.*, т. 3, М., ГИХЛ, 1954. Н. М. Гутьяр цитирует роман *Отцы и дети* по собр. соч. И. С. Тургенева в 12 т, изданном в качестве приложения к *Ниве*, СПб., 1898 А. Ф. Марксом.

TURGENJEVLJEV PRVI BIOGRAF
(O PROBLEMU METODOLOGIJE PROVINCIJALNE KNJIŽEVNE KRITIKE)

SAŽETAK

Članak je posvećen životu i djelovanju Nikolaja Mahajloviča Gutjara, provincijalnoga knjičevnog kritičara, jednoga od prvih biografa I. S. Turgenjeva. Njegovi radovi predstavljaju izuzetnu vrijednost, ne samo zbog podataka o Turgenjevljevu životu i stvaralaštvu, nego i zbog metodologije istraživanja književnosti na kraju 19. st.

KLJUČNE RIJEČI: *biograf, povijest književnosti, metodologija, istraživanje.*